

Г л а в а Ш

АТТИТЮДЫ (СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ) И ИХ МЕСТО В ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

1. АТТИТЮДЫ КАК ПСИХИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ — ИХ СТРОЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ФУНКЦИИ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аттитюдными в социальной психологии и социологии называют психические феномены, выражающие отношение человека к различным социально значимым объектам — к окружающим людям, группам и социальным институтам, к произведениям культуры, науки и искусства, к видам и способам деятельности, к стилям жизни, к социально значимым явлениям природы и т. п.

Исследования аттитюдов распространены чрезвычайно широко. Г. Оллпорт подчеркивал в 1935 г., что благодаря широкому размаху таких исследований социальную психологию даже определяют как «научное исследование аттитюдов». Он также отмечал, что «понятие аттитюда, вероятно, является наиболее характерным и необходимым для современной американской социальной психологии».¹ Через три с половиной десятилетия, в 1969 г., У. Макгайр констатировал, что «растущий в течение последних 15 лет интерес к аттитюдам сделал их к настоящему времени наиболее популярной областью социально-психологического исследования».² И, наконец, сравнительно недавно — в 1974 г. — известный социальный психолог Г. Келман заявил, что «аттитюды живы-здоровы и эффективно используются в сфере регуляции деятельности».³

¹ *Allport G. W. Attitudes* (1935). — Reprinted in: *Readings in attitude theory and measurement* / Ed. by M. Fishbein. New York, 1967, p. 3.

² *McGuire W. J. The nature of attitudes and attitude change.* — In: *The handbook of social psychology* / Ed. by G. Lindzey and E. Aronson. Sec. ed. Reading, Mass, 1969, vol 3, p. 138.

³ *Kelman H. C. Attitudes are alive and well and gainfully employed in the «sphere of action.* — *American Psychologist*, 1974, N 5, p. 310.

Постоянно растет интерес к исследованиям аттитюдов и в отечественной социальной психологии. Об этом свидетельствует появление работ В. А. Ядова и его сотрудников,⁴ П. Н. Шихирева,⁵ Ш. А. Надирашвили,⁶ А. Г. Асмолова,⁷ Г. М. Андреевой⁸ и др.

Но чисто научное изучение аттитюдов — это лишь «видимая часть айсберга», ибо аттитюды являются также основным предметом многочисленных прикладных социально-психологических и социологических исследований. Они выступают как главная зависимая переменная в опросах общественного мнения, в исследованиях трудовой деятельности, социально-психологического климата, спроса на разнообразные потребительские товары и т. д.

Несмотря на столь широкую популярность аттитюдов, теоретические представления о них пока еще недостаточно соотнесены с более общими психологическими понятиями, характеризующими процессы регуляции деятельности, и прежде всего с такими понятиями, как потребность (индивидуальная или социальная), благо, оценка, эмоция, мотив. Хотя предпосылки для подобного соотнесения уже имеются, исследования аттитюдов все еще остаются изолированными от психологии мотивации и регуляции деятельности, от изучения потребностей и эмоций. Подобная разобщенность отрицательно сказывается на теоретической ситуации в сфере аттитюдных исследований, тормозит их развитие, препятствует адекватному пониманию парадоксальных феноменов, особенно тех, которые касаются аттитюдно-поведенческих соотношений.

Задача настоящей главы — выделить те пункты аттитюдных исследований, с которых можно, по выражению Г. Тэджфеля, «навести мосты между общей и социальной

⁴ Личность и ее ценностные ориентации. М., 1969; *Бозрикова Л. В., Семенов А. А.* Аттитюды и их связь с поведением (обзор исследований в США). — В кн.: Социальная психология за рубежом. М., 1974, вып. 1. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979.

⁵ *Шихирев П. Н.* 1) Исследования установки в США. — Вопросы философии, 1973, № 3; 2) Социальная установка как предмет социально-психологического исследования. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976; 3) Современная социальная психология США. М., 1979.

⁶ *Надирашвили Ш. А.* Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.

⁷ *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979.

⁸ *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980.

психологией».⁹ Пользуясь этими «мостами», мы попытаемся вписать аттитюды в систему представлений о психической регуляции деятельности, изложенных в предыдущих главах данной работы. Будут также рассмотрены некоторые результаты эмпирической проверки теоретических гипотез о психологической природе аттитюдов.

В многообразных описаниях аттитюдов можно четко выделить два класса эмпирических характеристик — характеристики функций, выполняемых аттитюдами в рамках более широких систем субъекта, и характеристики собственного, внутреннего состава и содержания аттитюдных феноменов. Исторически первичными были определения аттитюда через его функции, а именно как регулятора поведения, деятельности человека. Рассмотрев 16 различных дефиниций, Г. Оллпорт пришел к выводу, что существует «единая нить, проходящая через все эти отличающиеся друг от друга определения. Так или иначе, каждое из них рассматривает в качестве существенной характеристики аттитюда *готовность к реакции*. Аттитюд — это нечто зарождающееся, подготовительное, начальное, нежели явное, завершённое (*consummatory*). Это не поведение, а его предпосылка».¹⁰ Указанную черту аттитюда авторы, цитированные Оллпортом, называли то готовностью, то диспозицией («аттитюд — диспозиция к действию»), то установкой. Сегодня мы могли бы добавить к этому перечню еще и термин «программа».

Примечательно, что в ряде указаний на регулируемую функцию аттитюда содержатся некоторые важные дополнительные ограничения. В частности, подчеркивается, что аттитюд регулирует действия прежде всего с точки зрения их направленности. Такова, например, формулировка Э. Богардуса: «Аттитюд — это тенденция действовать за или против (*toward or against*) некоторого фактора окружения; последний, таким образом становится положительной или отрицательной ценностью».¹¹

Определение аттитюда как готовности к действию, или диспозиции, является, безусловно, функциональным, хотя обычно и не рассматривается в качестве такового. Возник-

⁹ *Tajfel ff.* Social and cultural factors in perception. — In: The handbook of social psychology, p. 317.

¹⁰ *Allport e. W.* Op. cit., p. 8 (курсив автора).

¹¹ *Bogardus E. S.* Fundamentals of social psychology, Sec. ed. New York, 1931, p. 52. — Цит. по: *Allport O. W.* Op. cit. p. 8,

новение функционального подхода к аттитюду формально датируется гораздо позднее и связывается прежде всего со статьей М. Смита, опубликованной в 1947 г.¹² Т. Оустром пишет, что темы, возникшие в этой попытке функционального анализа «были впоследствии развиты в теоретических построениях Адорно, Френкель-Врунвик, Левинсона и Санфорда (1950), Смита с соавторами (1956), Каца и Стотленда (1959), Келмана (1958), Сарнофа (1960) и Каца (1960)».¹³

Вариантами функциональных определений являются и дефиниции установки (многими отечественными авторами она сближается с феноменом аттитюда). Так, Д. Н. Узнадзе определял установку как «готовность к определенной активности».¹⁴ Развивая подход к установке с точки зрения теории деятельности, А. Г. Асмолов описывает установку в качестве «стабилизатора деятельности» или «фактора инерции поведения»,¹⁵ что тоже, конечно, является указанием на ее функцию. Общий момент всех приведенных выше способов характеристики аттитюда (или родственных ему феноменов) — это указание на его роль, полезность по отношению к некоторым другим, внешним для аттитюда, феноменам, т. е. на его функции.

При всей продуктивности подобного подхода, базирующееся на нем описание не может исчерпать природу ни одного из феноменов, в том числе и феномена аттитюда, поскольку оно не затрагивает его внутреннего строения, его состава. Поэтому ряд функциональных характеристик аттитюда необходимо дополнить анализом его состава. И это вполне можно сделать, основываясь на богатой аттитюдной литературе. Уже в определениях, приводимых в упомянутом обзоре Оллпорта, содержатся указания на характер материала, из которого «построены» аттитюды. Например, в цитируемом Оллпортом определении Г. Уоррена (1934) — автора «Психологического

¹² *Smith M. B.* The personal setting of public opinion: a study of attitudes toward Russia. — *Public Opinion Quarterly*, 1947, v. 11, p. 507-523.

¹³ *Ostrom Th. M.* The emergence of attitude theory 1930—1950. — In: *Psychological foundations of attitudes*. New York, 1968, p. 18.

¹⁴ Узнадзе Д. П. Психологические исследования. М., 1966, с. 232. Это определение приводится, например, в кн.: *Краткий психологический словарь-хрестоматия* / Сост. Б. М. Петров. М., 1974, с. 118.

¹⁵ *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979.

словаря» — говорится, что «аттитюд — это психическая (ментальная) диспозиция», в определении У. Томаса и Ф. Знанецкого (1918) указывается, что аттитюд — это «процесс индивидуального сознания». Г. Мэрфи и Л. Мэрфи (1931) полагают, что аттитюды — это «вербализованные или вербализуемые тенденции». В своей итоговой формулировке Оллпорт отмечает, что «аттитюд — это психическое и нервное состояние готовности».¹⁶

Итак, аттитюд — это не вообще готовность или программа, а обязательно психический («нервно-психический») или иногда чисто нервный (допсихический) феномен.

Уже в ранних определениях были попытки конкретизировать строение «психической ткани», образующей аттитюд. Например, Э. Чейв писал, что аттитюд — это «комплекс чувств, желаний, предрассудков».¹⁷ Л. Тэрстоун, которому принадлежит заслуга в разработке первых процедур измерения аттитюдов, ставших впоследствии классическими, определял аттитюд как «эмоцию (аффект) за или против психологического объекта»¹⁸ и именно на основе этого определения разрабатывал измерительные процедуры. Новый шаг в разработке представлений о конкретном психологическом строении аттитюдных феноменов связан с развитием так называемого «мультикомпонентного взгляда на аттитюд» (термин И. Айзена и М. Фишбайна). Сторонники этой позиции полагают, что аттитюд состоит из трех компонентов — аффективного (или эмоционального), когнитивного (или познавательного) и конативного (или поведенческого),¹⁹ а также Д. Креч и Р. Кратчфилд.²⁰ Росту ее популярности

¹⁶ Приведем эту резюмирующую формулировку Г. Оллпорта полностью: «Аттитюд — это психическое и нервное состояние готовности, возникшее благодаря опыту и оказывающее направляющее или активирующее влияние на реакции индивида по отношению ко всем объектам и ситуациям, с которыми оно связано» (см.: *Allport G. W. Op. cit.*, p. 9).

¹⁷ *Chave E. J. A new type scale for measuring attitudes.* — *Relig. Educ.* 1928, v. 23, p. 364—369. Цит. по: *Allport G. W. Op. cit.*

¹⁸ *Thurstone L. L. The measurement of social attitudes.* — *Journ. of Abnorm. Soc. Psychol.* 1931, v. 26. Reprinted in: *Readings in attitude theory and measurement*, p. 20.

¹⁹ *Smith M. S. Op. cit.*

²⁰ *Krech D., Crutchfield R. S. Theory and problems of social psychology.* New York, 1948; см. также: *Krech D., Crutchfield R. S., Ballachey E. L. Individual in society: textbook of social psychology.* New York, 1962.

сильно способствовал сборник трудов Йельской социально-психологической школы, посвященный проблемам структурной организации и изменения аттитюдов.²¹

Согласно сторонникам «мультикомпонентного взгляда», когнитивный компонент — это разнообразные знания субъекта о предмете его аттитюда, аффективный компонент — эмоциональная оценка данного предмета, а конативный компонент — программа действий, касающихся данного предмета.

Как соотносится эта теоретически постулированная структура аттитюда с реальной исследовательской практикой? Оказывается, что на практике в аттитюдах, как правило, фиксируют единственное свойство — ценность (валентность) для человека определенного предмета или действия. М. Фишбайн и И. Айзен в 1975 г., имея перед глазами полувековую историю развития аттитюдных исследований, констатировали, что «большинство общепринятых процедур для измерения аттитюдов дает в итоге одно-единственное число, должествующее означать обобщенную оценку или чувство расположенности — нерасположенности к данному объекту. В полном согласии с позицией Тэрстоуна (1931), аттитюды можно определить как величину аффекта за или против некоторого объекта. Мы, следовательно, полагаем, что "аттитюд" должен измеряться посредством процедуры, которая располагает субъекта на биполярном аффективном (или оценочном) континууме, относящемся к данному объекту».²² Учитывая эту эмпирическую констатацию, необходимо, нам кажется, снова вернуться к представлениям о компонентах аттитюда и уточнить их.

Поскольку аттитюд, согласно выводу о его эмпирических измерениях, является *оценкой*, проблематичным оказывается статус двух остальных компонентов — познавательного и поведенческого. Если аттитюды это оценки, то их познавательный компонент не может быть ни чем иным, как когнитивным компонентом оценки — отражением того предмета, который оценивается как хороший или плохой, полезный или вредный. На долю же собственно эмоционального (оценочного) компонента аттитюда оста-

²¹ Rosenberg M. L. et al. Attitude organization and change. New Haven, 1960. (Yale studies in attitude and communication, vol. 3).

²² Fishbein M., Ajzen J. Belief, attitude, intention and behavior: an introduction to theory and research. Reading, Mass., 1975, p. 11.

ется только «некогнитивный» компонент, т. е. та часть оценки как целого, которая выражает ее характер или знак. Таким образом, для описания строения аттитюда нужны, по-видимому, два смысла термина оценка (или эмоция): и тот, что обозначает оценку как более широкое целое, и тот, что относится к части этого целого. Оценка в первом, более интегральном, смысле содержит два компонента: эмоциональное переживание (т. е. оценку в более узком смысле) и когнитивный компонент, в котором отражается предмет, являющийся причиной возникновения этого эмоционального переживания. Поэтому бессмысленно искать место познавательных компонентов аттитюда в сфере «чистого» знания, содержание которого может быть и безоценочно.

До сих пор речь шла об оценке того или иного предмета, отражение которого и составляет содержание когнитивного компонента аттитюда. Но аттитюд может включать и оценку действия: этим и объясняется появление представлений о поведенческом компоненте аттитюда и об аттитюде по отношению к действию (в отличие от аттитюда по отношению к предмету). В литературе поведенческим компонентом называют программу действия, касающегося предмета аттитюда, но ведь программа это как раз и есть оценка некоторого варианта действий как желательного для индивида. Таким образом, поведенческий компонент тоже, по существу, содержит познавательный и эмоциональный субкомпоненты: первый отражает какое-либо действие, а второй — оценивает его, но эти психические структуры почему-то никогда не относят к числу познавательных и эмоциональных компонентов, рассматривая последние только в связи с оценкой предмета, а не действия.

Итак, анализ довольно запутанной системы представлений о компонентах аттитюда позволяет сделать вывод о том, что *психологическое содержание аттитюда — это двухкомпонентные оценки.*

Всегда ли в состав этого содержания входят отражение и оценка действия? В этой связи надо отметить, что в литературе, посвященной аттитюдам, имеются разные точки зрения на то, что считать поведенческим компонентом.

Например, М. Рокич²³ трактует понятие программы

²³ *Rokeach M. The nature of attitudes.* — In: *International encyclopedia of social sciences.* New York, 1968, vol. 1, p. 453.

расширительно и полагает, что все эттиьюды — это «повестка дня» (agenda) для действия. Или, иными словами, «все аттиьюды имеют поведенческий компонент». Это так, утверждает он, «поскольку все мнения, образующие аттиьюды, независимо от того, описывают ли они, оценивают или защищают некоторую точку зрения, представляют собой предрасположенности, которые, будучи активированными, приведут к реакции».

Чтобы выработать свою позицию по этому вопросу, мы должны обратиться к соотношению между ценностью предметной ситуации и действия: если объективно ситуация обладает положительной ценностью для субъекта, то позитивной инструментальной ценностью будут обладать и действия, которые направлены на сохранение или достижение этой ситуации, если же она обладает отрицательной ценностью, то позитивной ценностью будут обладать действия, которые направлены на избавление от этой ситуации или на ее предотвращение. Итак, объективная ценность предметной ситуации задает объективную ценность соответствующих действий. Таким образом, если бы речь шла об объективных соотношениях ценностей предметов и действий, то Рокич был бы прав, утверждая, что это вещи нераздельные. Но в субъективном отражении подобная жесткая связанность вовсе не обязательна: человек достаточно часто не осуществляет перехода от отражения ценности предметной ситуации к отражению ценности своих соответствующих действий, от целей — к активным средствам их достижения. Отсутствие такого перехода, как было показано в предыдущей главе, часто бывает вызвано расчетом на действия внешних сил и прежде всего других людей. Можно, конечно, и программу чужих действий называть поведенческим компонентом аттиьюда, но это не соответствует традиционному употреблению этого термина. Поэтому позиция Рокича, предполагающая автоматическую связь оценки предметной ситуации с оценкой инструментальных по отношению к ней действий, неправомерна и затушевывает реальные различия между этими двумя видами оценок. Естественно, что многие авторы не согласны с этой позицией: И. Чейн, М. Смит, Дж. Брунер и Р. Уайт, Д. Кац и Э. Стотлэнд «считают, что аттиьюд может иметь, а может и не иметь поведенческого компонента».²⁴

²⁴ См.: *Rokeach M. Op. cit.*

Таким образом, в исследовательской практике могут функционировать и реально функционируют *три вида аттитюдных явлений*: аттитюд к предметной ситуации («к объекту» в терминологии западных авторов), содержащий ее оценку (1), аттитюд к действию, представляющий собой оценку определенного образа действий (2) и, наконец, аттитюд, включающий две взаимосвязанных оценки — и предметной ситуации, и действия, служащего ее сохранению, достижению, избеганию или предотвращению (3). Первые два вида аттитюдов — предметные и поведенческие — можно назвать простыми, или элементарными, а третий — сложным, или интегральным.²⁶

Как явствует из сказанного, никакого чисто познавательного аттитюда быть не может, поскольку аттитюд содержит отражение ценности, с которым связано соответствующее познавательное содержание.

Таким образом, феномен аттитюда вполне может быть описан в рамках общепсихологической системы понятий: аттитюд — это отражение субъектом ценности предметов или действий, т. е. отражение того факта, что они являются потребностью или благом.

Правда, в этой формулировке остается пока неопределенным, имеет ли для аттитюда значение, о *чьих* ценностях идет речь — только ли самого субъекта или же и о принятых им ценностях других людей. Этот вопрос мы обсудим ниже.

Специфической чертой аттитюдов является метод их регистрации, предполагающий осознание субъектом своих оценок и сообщение этих оценок экспериментатору в устной или, чаще, в письменной форме. Осознанный и коммуникативный («респондент-экспериментатор») характер процедуры измерения оценок оказывается неотъемлемым от самого феномена аттитюда, как бы сливается, сращивается с ним. Данное свойство аттитюдов нашло отражение даже в некоторых определениях, например в упомянутой выше дефиниции аттитюда как «вербализованной или вербализуемой тенденции». Вообще говоря, оценочные параметры аттитюда могут измеряться

²⁶ Этот вывод в некоторых аспектах совпадает с идеей Д. Каца и Э. Стотлэнда о классификации аттитюдов на основе преобладания в них того или иного компонента (см.: *Katz D., Stotland E. A preliminary statement to a theory of attitude structure and change.*— In: *Psychology: a study of a science* / Ed. by S. Koch. New York., 1959, vol. 3, p. 449 и далее).

и строго объективно, в частности, посредством наблюдений за действиями человека, тестов на выбор ошибки или психофизиологических индикаторов. Все эти объективные методы обычно излагаются в руководствах по измерению аттитюдов.²⁶ Но анализ конкретных исследовательских публикаций показывает, что лишь в единичных случаях измерения параметров аттитюда выполняются с помощью упомянутых объективных процедур. Обычно же эти измерения осуществляются посредством более или менее «лобовых» вопросников, требуют участия самосознания субъекта, а также в той или иной степени включают респондента в общение с исследователем.

Таким образом, к определению тех показателей, которые функционируют в науке и практике под именем аттитюдов, надо добавить, что это не вообще оценки, а осознанные индивидом оценки, сообщенные им другому человеку (в частности, исследователю).

Именно в методе измерения, по-видимому, состоит решающее отличие аттитюдов от других оценочных феноменов, или — на другом языке — социально-психологической парадигмы изучения оценок от подходов к их изучению в других областях психологии. В психофизиологии, например, преобладают физиологические методы регистрации эмоциональных оценок по пульсу, температуре кожи, показателям потоотделения и т. п., в клинической практике — проективные тесты. Возможно, эти методические различия как-то оправдывают и целесообразность терминологической (или даже понятийной) спецификации в общем-то однородных феноменов, поскольку метод, как известно, не может не сказываться на содержании измерений.

Вернемся теперь к вопросу о том, насколько правомерно определение аттитюда как диспозиции (готовности) к действию. Из сказанного выше следует, что термин «диспозиция» в полной мере применим к поведенческому аттитюду или к оценочно-поведенческому компоненту сложного аттитюда. Что же касается предметного аттитюда, то он может быть скрытой (имплицитной) диспозицией (готовностью № 2 в отличие от программы дей-

²⁶ См., например: Attitude Measurement/ Ed. by G. F. Summers. Chicago, 1970. В этой книге раздел, посвященный объективным методам измерения оценочных параметров аттитюдов, по объему раз в шесть меньше остального текста, описывающего субъективные методы.

ствия как готовности № 1), а может и не быть ею. Например, человек, весьма положительно относящийся к комфортабельной жизни, часто не планирует никаких действий в этом направлении, надеясь, что все придет «само собой».

Итак, определение аттитюда, базирующееся на конкретных эмпирических описаниях его состава, оказывается несовместимым с определением аттитюда по его функции регулировать действие. Если принять представление об аттитюдах, не имеющих поведенческого компонента, то придется признать, что приписывание всем аттитюдам свойства быть готовностью, или программой действия, неправомерно. Если же идти от функционального определения, то надо исключить из класса аттитюдов те феномены, которые не являются непосредственной готовностью к действию. Второе решение резко сужает по сравнению со сложившимися представлениями объем самого класса аттитюдных феноменов. Поэтому более предпочтительным является первое решение: все, что считалось аттитюдами, ими и остается, но часть этих феноменов «теряет» одно произвольно приданное им свойство — быть программой действия.

В то же время трактовка аттитюдов как вербальных оценок сближает их с ценностями, как они исследуются в социологии и социальной психологии.²⁷ Различия между этими двумя группами феноменов явно преувеличиваются.²⁸

Аттитюдная оценка — это почти всегда отражение ценности сравнительно высокого порядка, т. е. предпосылки какой-либо ценности первого порядка. Субъективную же величину ценности высокого порядка, как уже говорилось ранее, можно представить в форме произведения величины, характеризующей ценность первого порядка, на вероятность ее появления при наличии оцениваемой предпосылки. Указанная вероятность есть не что

²⁷ *Rokeach M.* The nature of human values. New York, 1973; *Любимова Т. Б.* Понятие ценности в буржуазной социологии. — В кн.: Социальные исследования. М., 1970; *Жуков Ю. М.* Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

²⁸ Исходя из этого, в эмпирическом разделе данной главы мы будем рассматривать аттитюды и ценности как явления одного ряда.

иное, как инструментальность объекта аттитюдной оценки по отношению к ценности первого порядка.

Данные представления лежат в основе так называемой инструментальной теории аттитюдов, которую именуют также «ценностной теорией аттитюдов» (М. Розенберг), или «теорией средств-целей» (У. Макгайр), или «теорией "ожидание x ценность"». По существу эта теоретическая схема является одной из частных реализаций мультипликативной модели побуждения деятельности, о которой говорилось раньше.

Было предпринято довольно много экспериментальных исследований с целью проверки инструментально-целевых предположений о природе аттитюдных оценок. По своей структуре эти исследования распадаются на *две группы*. В первой из них испытуемых просили оценить значимость для них определенного набора благ и вероятность того, что предмет аттитюда может содействовать или мешать приобретению этих благ (показатель инструментальности). Кроме того, параллельно по стандартной процедуре измеряли аттитюдную оценку предмета, а затем результаты этого непосредственного измерения сопоставляли с результатами вычисления аттитюдной оценки как произведения значимости цели на инструментальность по отношению к ней предмета аттитюда. Совпадение измеренного аттитюда с вычисленным свидетельствовало об адекватности соответствующих научных представлений.

Если в исследованиях первой группы изучалась *статика*, то в исследованиях второй — *динамика*. Здесь экспериментаторы проверяли, влияет ли изменение одного из членов инструментальной «формулы аттитюда» на другие ее члены.

Первые исследования синхронных соотношений были проведены Д. Картрайтом, М. Смитом, А. Вудрафом, Ф. Дивестой, а также М. Розенбергом.²⁹ Последним, в частности, было установлено, что прямые измерения аттитюдных оценок значимо связаны с обеими составляю-

²⁹ *Cartwright D.* Some principles of mass persuasion. — *Human Relations*, 1946, vol. 2, p. 253—267; *Smith M. B.* Personal values as determinants of a political attitude. — *Journ. Psychol.*, 1949, vol. 28, p. 477—486; *Woodruff A. D., Di Vesta F.* The relation between values, concepts and attitudes. — *Educational and Psychological Measurement*, 1948, vol. 8, p. 645—659; *Rosenberg M. J.* Cognitive structure and attitudinal affect. — *Journ. Abnorm. Soc. Psychol.*, 1956, vol. 53, p. 367—372.

непосредственным и рационально-опосредованным способами психического отражения инструментальных ценностей (которые, в частности, лежат в основе различий между эмоционально-автоматизированными и рационально-произвольными формами побуждения деятельности). Вряд ли аттитюдные оценки безразличны к этому принципиальному делению, и поэтому надо определить их место по отношению к границе между двумя способами психического отражения ценностей.

2. АТТИТЮДЫ И РЕАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1. «Аттитюды против действий» — принципы объяснения аттитюдно-поведенческих рассогласований. Изучение аттитюдов ведется в трех основных направлениях — одно касается проблем их изменения, другое — проблем их взаимоотношений, а третье — проблем взаимосвязи между аттитюдами и реальными действиями людей. В контексте целей и задач настоящей работы интерес представляет прежде всего последнее из упомянутых направлений — изучение аттитюдно-деятельностных или аттитюдно-поведенческих соотношений. Мы полагаем, что результаты исследований в этой области могут быть лучше поняты, если принять во внимание изложенные выше представления о процессах порождения деятельности и найти в рамках этих процессов место для аттитюдных феноменов.

Как уже говорилось, первые дефиниции аттитюда рассматривали его в качестве готовности (диспозиции) к действию. Отсюда и возник интерес к сопоставлениям аттитюдов с реальным поведением людей. Эти сопоставления должны были всего лишь гарантировать конструктивную валидность аттитюдных измерений. Ничто не предвещало разочарования. Напротив, серия исследований Л. Тэрстоуна и его сотрудников показала, что резкие различия в поведении разных групп людей сопровождаются соответствующими различиями аттитюдов. (Совпадение аттитюдных различий с поведенческими рассматривалось Тэрстоуном как необходимый критерий корректности любого вопросника для измерения аттитюдов). Тем не менее на рубеже 30-х годов американский социолог Р. Лапьер опубликовал серию статей, наиболее известная

из которых называлась «Аттитюдоды против действий».³³ В них он описывал результаты сопоставлений аттитюдод по отношению к обслуживанию китайцев в различных американских гостиницах и ресторанах с реальными действиями обслуживающего персонала в отношении двух китайцев, с которыми автор путешествовал по Америке. Выводы Р. Лапьера указывали на то, что вопреки следствиям общепринятых дефиниций аттитюдоды как готовности к действию измерения аттитюдоды не совпадали с аналогичными по смыслу реальными действиями. Со времени публикации этой статьи прошло почти полвека, и неудивительно, что за этот период появился целый ряд критических замечаний в адрес методики и выводов автора. Некоторые критики считают, что его результаты вообще не относятся к проблеме соотношения между аттитюдодой и реальным поведением.³⁴ Но эти недостатки не мешали работе Лапьера привлечь внимание к рассогласованиям между аттитюдодой и поведением и стать отправной точкой для целого направления исследований, посвященных аттитюдодно-поведенческим соотношениям.

Обстоятельный обзор этих исследований дал в 1969 г. А. Уикер. В результате анализа довольно значительного числа накопившихся к тому времени публикаций он вынужден был констатировать: «Предположение о том, что чувства непосредственно переводятся в действие, не было доказано».³⁵

Описанные факты, которые в свете общепринятого представления об аттитюдоды как готовности к действию, выглядели парадоксально, породили значительное число теоретических истолкований.³⁶ Недостаток места не позволяет нам рассмотреть все эти объяснения; мы упомянем лишь те, которые близки к нашей точке зрения.

³³ LaPiere R. Attitudes vs actions. — *Social Forces*, 1934, vol. 13, p. 230-237.

³⁴ Dillehay J. C. On the irrelevance of the classical negative evidence concerning the effect of attitudes on behavior. — *American Psychologist*, 1973, vol. 28, p. 887—891.

³⁵ Wicker A. W. Attitudes versus actions: the relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects. — In: *Attitudes and behavior*/ Ed. by K. Thomas. Harmondsworth, 1971,

³⁶ Классификация этих объяснений была изложена нами ранее. См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л. 1979, с. 120—126.

На основе предшествующего анализа аттитюдов можно заключить, что в собственном смысле парадоксальными являются лишь те аттитюдно-поведенческие рассогласования, в которых участвуют поведенческие аттитюды или сложные аттитюды, имеющие поведенческий компонент: ведь только эти аттитюды действительно содержат диспозицию к действию.

Попыткой понять соотношение между аттитюдом к действию и реальным действием (точнее, намерением его совершить) является модель, которая развивается в исследованиях М. Фишбайна, И. Айзена и их сотрудников.³⁷ Эти авторы показали, что прогноз поведенческих намерений заметно улучшается, если в дополнение к измерениям аттитюда к действию использовать еще и показатель воспринимаемой субъектом социальной полезности данного действия. М. Фишбайн сформулировал эту позицию в виде следующего уравнения:

$$BI = [A_{act}] w_0 + \left[\sum_{i=1}^n NB_i \cdot Mc_i \right] w_1,$$

где BI — поведенческое намерение, A_{act} — аттитюд к действию, NB_i — требование к субъекту или нормативное предписание совершить данное действие со стороны i -го человека или группы, Mc_i — потребность подчиняться i -тому требованию, w_1 и w_0 — коэффициенты.³⁸

В уравнениях множественной регрессии, связывающих намерения с аттитюдами к действию и воспринимаемыми требованиями, второе слагаемое имеет весьма заметные коэффициенты.

При этом веса аттитюда и показателя «социального давления» закономерно варьируют в зависимости от содержания прогнозируемого действия или намерения. В том случае, когда предсказывались намерения действовать в кооперации с другими людьми, веса нормативных слагаемых оказались равны 0.71 ($p < 0.01$) и 0.57 ($p < 0.01$), а веса аттитюдных компонентов — соответственно 0.23 и 0.24 (оба незначимы). В соревновательной же ситуа-

³⁷ См.: Fishbein M., Ajzen I. Op. cit.; Ajzen I., Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. Englewood Cliffs, 1980.

³⁸ Fishbein M. Attitude and the prediction of behavior. — In: Readings in attitude theory and measurement/ Ed. by M. Fishbein. New York, 1967, p. 490.

дии коэффициенты регрессии поменялись местами: 0.33 ($p < 0.01$) и 0.30 ($p < 0.01$) для нормативных слагаемых и 0.69 ($p < 0.01$) и 0.67 ($p < 0.01$) для аттитюдных.³⁹ Это вполне естественно: в ситуации совместного достижения результата человеку приходится больше считаться с требованиями партнеров, чем со своими собственными желаниями, а в ситуации конкуренции, где интересы сторон противоположны, ведущими детерминантами оказываются индивидуальные потребности, потребности же соперников почти игнорируются.

Таким образом, М. Фишбайн и его коллеги постулируют автономию психического отражения индивидуальных и социальных ценностей действия и считают, что аттитюд вбирает в себя отражения индивидуальных ценностей, оставляя ценности других людей на долю второго слагаемого формулы поведенческого намерения. (Поведенческое же намерение непосредственно побуждает действия.) На обыденном языке различия между этими двумя слагаемыми могут быть описаны в терминах «хочу» и «надо».

Мы полагаем, что содержание второго слагаемого в формуле Фишбайна нуждается в некотором уточнении. Можно предположить, что оно будет включать не только те потребности других людей, которые индивид принимает вынужденно (а именно об этих категориях социальных потребностей идет речь в упомянутой формуле), но даже и те социальные потребности, которые интернализированы индивидом и субъективно выступают в качестве конечных ценностей. Иными словами, социальное слагаемое будет включать все формы принятых человеком ценностей других людей независимо от того, выражены ли эти ценности в их явных ожиданиях или требованиях.

Из приведенных выше соображений следует, что *причиной расхождений между аттитюдом к действию и самим действием (или предшествующим ему намерением) могут быть принятые индивидом ценности других людей и социальных систем, если они не совпадают с его собственными ценностями, воспринимаемыми субъектом как не зависящие в своем возникновении от влияния заинтересованных социальных сил.*

³⁹ Aizen I., Fishbein M. Attitudinal and normative variables as predictors of specific behaviors. — Journ. Pers. Soc. Psychol., 1973, vol. 27, N 1, p. 41-57.

Социальные ценности могут быть либо интернализированы субъектом, либо выступать в его сознании как средства, как то, чему приходится подчиняться ради достижения своих собственных целей.

Но это лишь первая часть гипотезы о причинах раскогласования. Мы полагаем, что формула М. Фишбайна даже в ее расширенном содержании отражает лишь один из вариантов психологических «дополнений» к аттитюду как регулятору деятельности. Гипотеза о втором типе дополнений возникает в связи с представлениями о двух разных типах оценки и побуждения действий — эмоционально-непосредственном (автоматическом) и рационально-опосредованном (произвольном). Они связаны по существу с раздвоением самого субъекта: одна его часть — это носитель автоматизированных оценок и побуждений, а другая — носитель оценок и побуждений, которые формируются в процессе произвольно управляемой рациональной деятельности. Поэтому по аналогии с автономией аттитюда и от тех внутрииндивидуальных ценностей, которые воспринимаются человеком как принадлежащие его «второму Я». По-видимому, внутри субъекта тоже существует оппозиция между «хочу» и «надо», но «надо» не для других, как в предыдущем случае, а для себя. В принципе подобное противопоставление возможно и внутри интернализированных индивидом *социальных* ценностей. Сюда, например, относится конфликт между желанием человека действовать ради сиюминутного, непосредственного блага других людей и желанием добиться более важных для них благ в будущем.

Автоматизированные эмоциональные оценки и побуждения актуализируются, конечно, быстрее и легче, чем произвольно-рациональные, и отсюда наши ожидания, что именно эмоционально-непосредственные оценки действия войдут в состав аттитюда, процедура измерения которого обычно не сопровождается со стороны респондента особыми раздумьями.

Если это так, то тогда *второй причиной раскогласований между аттитюдом и действием может стать раскогласование между рационально-произвольной и эмоционально-импульсивной оценками и побуждениями к действию.*

Данный аспект раздвоения значимостей действия не был обнаружен в упомянутых выше исследованиях аттитюдов как рациональных отражений инструментальности. Но

указанный факт не противоречит нашим рассуждениям, ибо эмпирическая база этих исследований была довольно ограничена — в них не фигурировали действия, автоматизированные и произвольные оценки которых находились бы в конфликте или сильно различались.

Проверим высказанные гипотезы.

2. «Аттитюды против действий» — результаты эмпирической проверки гипотез о причинах индивидуальных аттитюдно-поведенческих рассогласований. Излагаемые ниже факты были получены в рамках широкого исследования саморегуляции социального поведения личности, проведенного под руководством В. А. Ядова. Часть эмпирических данных и теоретических выводов этого исследования уже опубликована в коллективной монографии, где, в частности, содержится описание всех методик и измеренных показателей.⁴⁰

Объектом исследования, о котором идет речь, была трудовая деятельность инженеров, работающих в ленинградских проектных институтах. Аттитюды инженеров к самостоятельности и исполнительности сопоставлялись с реальными проявлениями этих качеств в их трудовой деятельности. Основной предмет анализа — индивидуальные индексы аттитюдно-поведенческих рассогласований (показатели 87—102 по «Указателю основных признаков»)⁴¹. Индексы первого типа — скалярные — содержат информацию только о степени рассогласования; индексы второго типа — векторные — о степени и направлении рассогласования.

Скалярные индексы рассогласований между «абсолютными» параметрами аттитюдов и оценок поведения вычислялись по формуле:

$$PAC_{|A-\Pi|} = \frac{|A - \Pi|}{A + \Pi} \times 10,$$

где $PAC_{|A-\Pi|}$ — величина скалярного индекса, A — интенсивность измеренного аттитюда, Π — степень выраженности одноименной характеристики реального пове-

⁴⁰ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности, с. 196—262.

⁴¹ Там же, с. 259—262. Поскольку в исследовании фиксировались аттитюды к действию, то для их обозначения использовался термин «диспозиция».

Дения.⁴² Из этой формулы следует, что, например, при $A=3$ и $P=4$ индекс получит значение, равное 1. То же будет и при $A=4$ и $P=3$, поскольку знак разности здесь не учитывается. Все индексы выражены в 8-балльной шкале, где 0 — полное совпадение аттитюдов и поведения, а 7 — максимальное их рассогласование. С ростом численных значений скалярного индекса степень рассогласования между аттитюдами и поведением растет.

Векторные индексы рассогласований между «абсолютными» параметрами аттитюдов и поведения рассчитывались по формуле

$$PAC_{A-P} = \frac{A-P}{A+P} \times 10,$$

где PAC_{A-P} — величина векторного индекса, A — интенсивность измеренного аттитюда, P — степень выраженности одноименной характеристики реального поведения. В числителе этой формулы не абсолютная величина разности, как у скалярных индексов, а алгебраическая, учитывающая направление рассогласованности. Например, при $A=3$ и $P=4$ индекс примет значение -1 , а при $A=4$ и $P=3$ значение $+1$.

Векторные индексы имеют 15-членную шкалу, в которой значения от $+1$ до $+7$ — это область преобладания аттитюдов над оценками поведения, а от -1 до -7 — область «отставания» аттитюдов от оценок поведения. Иными словами, с увеличением численных значений векторного индекса от -7 до 0 падает степень занижения, а затем от 0 до $+7$ — растет степень завышения аттитюдов по сравнению с оценками поведения.

Как показал анализ распределений, в нашей выборке имеется два типа противоположно направленных рассогласований: какой бы из аттитюдов мы ни взяли, обязательно найдутся такие люди, у которых он выражен сильнее, чем соответствующая оценка поведения, и те, у кого он выражен слабее. Таким образом, аттитюды не только «недо-», но нередко и «перевыполняются».

Были также вычислены индексы рассогласования между *относительными* параметрами аттитюдов и оценок поведения, т. е. между соотношениями самостоятель-

⁴² Все составляющие индексов выражены в 5-балльных шкалах, развернутых так, что балл «1» соответствует минимальной, а «5» — максимальной выраженности аттитюдных и поведенческих свойств. Индексы рассчитаны с точностью до целого числа.

ности и исполнительности в аттитюдах и реальном поведении.⁴³

Распределения индексов рассогласования приведены в предшествующей публикации, там же содержится и описание их факторной структуры.⁴⁴ Как было показано, в составе этой структуры имеется общий фактор скалярных аттитюдно-поведенческих рассогласований, свидетельствующий о том, что для каждого индивида характерна определенная величина рассогласованности между аттитюдами и поведением, относительно не зависящая от формы поведения (самостоятельность или исполнительность) и методики измерения аттитюда. Векторные рассогласования связаны с указанным фактором слабее.

Для проверки гипотез о причинах рассогласований мы сопоставили аттитюдно-поведенческие рассогласования с измерениями ценностей личности, также имеющимися в арсенале указанного исследования. Эти ценности измерялись посредством модифицированной А. Гоштаутасом, А. А. Семеновым и В. А. Ядовым методики М. Рокича.⁴⁵ Испытуемые ранжировали «терминальные» (цели) и «инструментальные» (средства) ценности, присваивая им ранги от 1 до 18; ранжирование проводилось отдельно внутри каждого набора. Перечень ценностей содержится в табл. 2.

Сопоставление ценностей с рассогласованиями было осуществлено посредством факторного анализа: мы добавляли измерения ценностей к набору индексов рассогласования и подвергали их совместной факторизации; при этом неизменно воспроизводился исходный фактор общей скалярной рассогласованности (третий в базовой матрице индексов рассогласования), с которым оказывались связанными и разнообразные ценности. Это и давало основания судить о взаимосвязях между аттитюдно-поведенческими рассогласованиями и ценностно-мотивационной организацией личности.

Было проведено *три совместных факторизации* — рассогласования с инструментальными ценностями (м а т р и ц а 1), рассогласования с терминальными ценно-

⁴³ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности, с. 136—137.

⁴⁴ См.: там же, с. 132—151.

⁴⁵ Описание методики, признаков и результатов см.: там же, с. 47—62, 88—100, 208—209, 251. — Заметим, что отнесение М. Рокичем тех или иных ценностей к разряду терминальных или инструментальных, конечно же, весьма условно.

стями (матрица 2), рассогласования с терминальными и инструментальными ценностями (матрица 3).

Если придерживаться двух высказанных выше гипотез о природе и специфике аттитюдных оценок действия — гипотез «эгоцентричности» и непосредственности аттитюда, то можно ожидать, что величина аттитюдно-поведенческих рассогласований будет повышаться в факторах одновременно с усилением предрасположенности индивида к принятию ценностей других людей и к рационально-волевому типу регулирования деятельности.

Матрица 1 (табл. 2) включает индексы рассогласования и инструментальные ценности (т. е. оценки относительной значимости различных положительных качеств личности). В состав интересующего нас фактора этой матрицы входят наряду с рассогласованиями две группы инструментальных ценностей. С ростом величины рассогласований, касающихся исполнительности и самостоятельности, повышается значимость таких ценностей, как чуткость (заботливость), честность, широта взглядов и ответственность, и наоборот, снижается значимость противоположных по смыслу ценностей — независимости в поступках и действиях (факт. вес -0.61), смелости, твердой воли и рационализма.

В фактор входят и некоторые векторные рассогласования, хотя в целом они связаны с ним слабее, чем скалярные. Соотношения знаков скалярных и векторных индексов указывают на то, что для данного фактора характерно в основном *превышение поведения над аттитюдом*, т. е. люди с высокими скалярными рассогласованиями — это те, кто работает лучше (более исполнительен и самостоятелен), чем им хочется.

Итак получается, что в данном факторе имеет место конфликт между ценностями независимости от непосредственного социального окружения и ценностями интеграции с ним (чуткость, заботливость), или между желанием человека руководствоваться своими собственными потребностями и потребностями непосредственного социального окружения.

Что такое чуткость и заботливость, как не внимательность к желаниям других людей и стремление удовлетворять эти желания? Близка по смыслу широта взглядов как «умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки», а также ответственность. Интересам других людей служит и честность — условие

и следствие выполнения индивидом всех остальных моральных норм и требований.

С независимостью же, как «способностью действовать самостоятельно и решительно», естественно ассоциируются ее частные формы — смелость в отстаивании своих взглядов и твердая воля (умение настоять на своем), а также рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманное решение) — качество, без которого не обойтись человеку, если он хочет действовать сам, не полагаясь на готовые чужие предписания.

Участие аттитюдно-поведенческих рассогласований в данном факторе естественно следует из предложенной выше трактовки аттитюда как оценки только индивидуальной ценности объектов и действий. Раз человек оценивает в аттитюде меру своего *собственного* желания проявить на работе творчество, инициативу и исполнительность, то естественно, что *по мере усиления его альтруистических целей*, предполагающих интернализацию потребностей непосредственного социального окружения, *рассогласования его аттитюдов с реальными действиями будут увеличиваться*: реализуя коллективистскую трудовую мотивацию, работник проявляет качества, нужные для успеха его производственной группы, а не те, которые желательны ему самому. Неудивительно, что производственная группа обычно требует от человека большего, чем он хочет; отсюда рассогласования в сторону превышения реальных деловых качеств в сравнении с аттитюдами.

Если теперь отбросить детали и перечислить главные показатели, то на полюсе высоких значений фактора это будет низкая независимость (или высокая зависимость от других) и высокая чуткость, забота о непосредственном социальном окружении, сопровождающаяся большими рассогласованиями между аттитюдами и реальными действиями работников.⁴⁸ Данный фактор можно было бы назвать *фактором зависимости индивида от непосредственного социального окружения*. Примечательно, что фактор «зависимости — независимости», как показали многолетние экспериментальные исследования Р. Б. Кэттелла и его сотрудников, является одной из шести основных

⁴⁶ В этих и последующих рассуждениях мы принимаем допущение, что ценности, объединившиеся с аттитюдно-поведенческими рассогласованиями, как правило воплощаются человеком в реальные действия.

Таблица 2

Извлечения из расширенных факторных матриц с участием индивидуальных рассогласований между аттитюдами и реальным поведением (до ротации) (N≈800)

Показатели	Названия факторов				
	мотивация деятельности потребностями других людей против мотивации своими собственными потребностями			мотивация деятельности опосредованными целями против побуждения непосредственными импульсами	
	из матрицы 1 (34 признака)	из матрицы 2 (34 признака)	из матрицы 3 (52 признака)	из матрицы 3 (52 признака)	
Индексы рассогласования по:					
Скалярные	самостоятельности (VI)	0.12	0.06	0.09	0.04
	самостоятельности (X)	0.28	0.23	0.19	0.16
	самостоятельности (VII)	0.19	0.22	0.18	0.22
	самостоятельности (V)	0.38	0.40	0.34	0.40
	исполнительности (X)	0.43	0.29	0.15	0.15
	исполнительности (V)	0.11	-0.04	-0.04	-0.12
Векторные	самостоятельности (VI)	0.12	0.07	0.11	-0.01
	самостоятельности (X)	0.11	0.06	0.10	-0.04
	самостоятельности (VII)	0.03	0.05	0.08	-0.13
	самостоятельности (V)	-0.34	-0.30	-0.28	-0.01
	исполнительности (X)	-0.39	-0.26	-0.14	-0.13
	исполнительности (V)	-0.14	0.03	0.04	-0.04
Скалярные	соотношению самостоятельности и исполнительности (X)	0.19	0.11	0.13	-0.01
	то же (V)	0.21	0.32	0.26	0.31

Таблица 2 (продолжение)

Показатели	Названия факторов			
	мотивация деятельности потребностями других людей против мотивации своими собственными потребностями			мотивация деятельности опосредованными целями против побуждений непосредственными импульсами
	из матрицы 1 (34 признака)	из матрицы 2 (34 признака)	из матрицы 3 (52 признака)	из матрицы 3 (52 признака)
Векторные { соотношению самостоятельности и исполнительности (X) то же (V)	0.35	0.20	0.16	0.02
	-0.14	-0.24	-0.21	0.00
Значимости инструментальных ценностей:				
непримиримости к недостаткам в себе и в других	-0.01		-0.09	0.10
образованности	0.04		0.16	-0.25
ответственности	0.15		0.11	0.14
рационализма (умения принимать обдуман- ные решения)	-0.16		-0.09	-0.14
самоконтроля	0.14		0.23	0.11
смелости в отстаивании своего мнения	-0.28		-0.19	0.27
твердости воли (умения настоять на своем, не отступать перед трудностями)	-0.18		-0.09	0.33
терпимости	0.13		-0.06	-0.08
широты взглядов	0.17		0.12	-0.16
честности	0.24		0.29	0.26
высоких запросов	-0.04		-0.22	-0.19

Таблица 2 (продолжение)

Показатели	Названия факторов			
	мотивация деятельности потребностями других людей против мотивации своими собственными потребностями			мотивация деятельности потребностями другими средствами против побуждения непосредственными импульсами
	из матрицы 1 (34 признака)	из матрицы 2 (34 признака)	из матрицы 3 (52 признака)	из матрицы 3 (52 признака)
жизнерадостности (чувства юмора)	0.04		0.04	0.02
чуткости (заботливости)	0.33		0.05	0.04
исполнительности	-0.10		-0.01	-0.16
независимости (способности действовать самостоятельно)	-0.61		-0.40	-0.02
аффективности в делах	0.13		0.05	0.10
аккуратности	-0.06		0.18	0.10
воспитанности	0.11		-0.04	-0.21
Значимости терминальных ценностей:				
мудрости		-0.09	0.00	0.16
здоровья		-0.11	-0.19	0.14
красоты		0.03	0.01	-0.20
жизни, полной удовольствий		-0.36	-0.42	-0.01
материально обеспеченной жизни		-0.26	-0.32	0.10
равенства		0.31	0.34	-0.08
интересной работы		0.15	0.17	-0.05
наличия верных друзей		0.12	0.04	-0.09
активной, деятельной жизни		0.06	0.14	0.04

Таблица 2 (продолжение)

Показатели	Названия факторов			
	мотивация деятельности потребностями других людей против мотивации своими собственными потребностями			мотивация деятельности потребностями другими средствами против побуждения непосредственными импульсами
	из матрицы 1 (34 признака)	из матрицы 2 (34 признака)	из матрицы 3 (52 признака)	из матрицы 3 (52 признака)
уверенности в себе (свободы от внутренних противоречий и сомнений)		-0.35	-0.30	0.28
общественного признания		0.06	0.09	-0.08
познания (возможности расширения своего кругозора, общей культуры)		0.06	0.14	-0.34
самостоятельности в суждениях и оценках любви		-0.49	-0.30	0.15
хорошей обстановки в стране, сохранения мира между народами		0.06	-0.10	-0.02
свободы в поступках и действиях		0.42	0.39	-0.13
счастливой семейной жизни		-0.32	-0.21	0.27
возможности творческой деятельности		-0.02	-0.15	-0.04
		0.21	0.24	-0.06
Информативность факторов	5%	5%	4%	3%

Примечания. 1. В названиях индексов рассогласования в скобках указаны методики измерения аттитюдов, описанные в кн.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (Л., 1979). 2. Чем больше ранг ценности, тем выше значимость (в кн. : Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности — наоборот). 3. Все матрицы получены методом главных компонент.

понятийных координат, описывающих многообразные проявления личности.⁴⁷

Матрица 2 включает индексы рассогласования и «терминальные ценности» (т. е. оценки относительной значимости основных жизненных благ — мира, работы, семьи, материального благополучия и т. п.) В ней тоже обнаружен фактор, в котором противостоят индивидуальные потребности человека и принятые им потребности других людей, но их конкретное содержание отличается от того, что было в предыдущем варианте.

В этот фактор с положительными нагрузками вошли ценности социального равенства, сохранения мира и хорошей обстановки в стране, возможности творческой деятельности, а с отрицательными — ценности самостоятельности (как независимости в суждениях и оценках), свободы (как независимости в поступках и действиях), уверенности в себе (свободы от внутренних противоречий и сомнений), жизни, полной удовольствий, и материальной обеспеченности. В данном факторе социально ориентированные индивиды заботятся уже не об интересах своей производственной группы, а о благополучии гораздо более широкого круга людей и социальных общностей (равенство, мир, хорошая обстановка в стране). Более конкретно, чем в предыдущей матрице, выступает содержание индивидуальной ориентации. Последняя имеет явно гедонистический характер и связана с удовлетворением относительно примитивных потребностей: удовольствия, нужные для их получения средства («материальная обеспеченность») и при этом свобода от внутренних сомнений (в том числе, по-видимому, от угрызений совести по поводу отказа от социально ценной жизненной альтернативы). В этой группе ценностей нет ни духовных интересов, ни желания делиться с кем-либо: ценности «познание», «красота», «счастливая семейная жизнь», «друзья» в фактор не вошли.

⁴⁷ См.: *Gorsuch R.L., Cattell R.B.* Second stratum personality factors defined in the questionnaire realm by the 16PF. — *Multivariate Behavioral Research*, 1967, vol. 2, p. 211—224.

Противоречие между тенденциями к слиянию с социумом и к выделению «Я» в качестве автономной единицы как «базовое» для мотивационной сферы человека описано Г. Г. Дилигенским (см.: *Дилигенский Г.Г.* Проблемы теории человеческих потребностей. Статья первая. — *Вопросы философии*, 1976, № 9, с. 38).

При этом, как я прежде, рассогласование аттитюдов и поведения связано с ростом социальной ориентации: *по мере повышения значимости интернализированных социальных ценностей и снижения значимости эгоистических ценностей аттитюдно-поведенческие рассогласования увеличиваются* (в тенденции — в сторону превышения поведения над аттитюдами). И наоборот, когда усиливается ориентация «на себя» и снижается ориентация «на других», аттитюды становятся более согласованными с реальным поведением людей.

Любопытно, что аттитюдно-поведенческие рассогласования, которые традиционно рассматриваются как нечто морально нежелательное, оказываются в данном случае симптомом социально как раз более ценной, а аттитюдно-поведенческая согласованность, наоборот, признаком социально нежелательной мотивации.

В матрице 3 мы объединили оба набора ценностей — инструментальный и терминальный — и сопоставили их с аттитюдно-поведенческими рассогласованиями. На этот раз в матрице оказались *два фактора*, в которых скалярные рассогласования объединились с ценностями. О д и н из н и х (пятый по порядку в факторной матрице) в принципе аналогичен описанным ранее.

Социальная ориентация представлена в нем ценностями сохранения мира, хорошей обстановки в стране, социального равенства, честности, самоконтроля, возможности творческой деятельности, а конфликтующая с ней индивидуальная — ценностями жизни, полной удовольствий, независимости, самостоятельности, смелости в отстаивании своих взглядов, материальной обеспеченности, а также уверенности в себе и здоровья. Как и прежде, *с ростом ориентации на социальные, общезначимые ценности повышаются и аттитюдно-поведенческие рассогласования*. Но они с этим фактором связаны слабее, чем в предыдущих матрицах, поскольку часть из них ушла в другой фактор.

В т о р о й интересующий нас ф а к т о р этой матрицы (он в ней десятый по счету) приведен в табл. 2 (стб. 4). По мере роста его индивидуальных значений повышаются рассогласования между аттитюдами к творчеству и реальной творческой деятельностью инженеров, как она выступает в оценках экспертов; повышение этих рассогласований не связано с каким-либо определенным направлением (векторные рассогласования не имеют значимых весов по фактору).

Ценности представлены в факторе двумя группами показателей. С ростом раскогласований повышается значимость таких ценностей, как твердая воля, смелость в отстаивании своего мнения, честность, уверенность в себе и свобода в поступках и действиях, и в то же время снижается значимость познания (возможности расширения своего кругозора, общей культуры), образованности, воспитанности и красоты.

Хотя ценности «твердая воля», «смелость в отстаивании своего мнения», «свобода», «уверенность в себе» совпадают с индивидуально ориентированным полюсом прежних факторов, где имел место конфликт между индивидуальной и просоциальной ориентацией, смысл этих ценностей и природа конфликта в данном факторе иные. Здесь тоже есть способность к преодолению препятствий, проявляющаяся в таких качествах как твердость воли, смелость и уверенность перед лицом трудностей. Но предметом преодоления являются в данном случае не альтруистические побуждения: это видно из того факта, что ни одна из ценностей, прямо воплощающая интересы других людей, не противостоит «твердой воле». Воля в данном случае скорее всего направлена на борьбу индивида со своими собственными внутренними потребностями и противостоящими им внешними благами, которые автоматически отражаются и навязывают себя субъекту в качестве побуждений к деятельности. Свободу именно от этих, как бы извне навязываемых им побуждений, и имеют в виду индивиды с высокими значениями по фактору.

О том, какова природа этих непосредственно навязывающих себя побуждений, которые противостоят воле, говорят ценности, связанные с фактором отрицательно, — они касаются познания, расширения кругозора и общей культуры, естественными результатами которых являются образованность и воспитанность. Познавательные потребности могут, как известно, удовлетворяться посредством произвольных автоматических реакций — ориентировочных рефлексов, или рефлексов на новизну, или рефлексов «что такое?», в терминах И. П. Павлова. Именно автоматизированные положительные эмоциональные оценки новизны и связанные с ними побуждения к познавательной деятельности и выступают в данном факторе в роли сильных и труднопреодолимых искушений (тем более, что речь идет об инженерах — людях с сильно

развитой познавательной потребностью), в противостоянии же этим искушениям проявляется воля.⁴⁸

На основании высказанной нами ранее гипотезы об аттитюдах как непосредственных, автоматических, легко доступных оценках желательности того или иного действия⁴⁹ теперь легко можно объяснить, почему в рассматриваемый фактор вошли аттитюдно-поведенческие рассогласования. Эти *рассогласования*, естественно, *должны повышаться по мере усиления опосредованных, вторичных, рационально-волевых форм регуляции деятельности*, о наличии которых «сигнализируют» такие ценности, как твердая воля и ей подобные. В свою очередь, по мере того, как усиливается непосредственная, произвольно-импульсивная регуляция деятельности познавательными побуждениями и стимулами, растет и относительное влияние аттитюдов к творчеству и самостоятельности в работе, что ведет к снижению рассогласований между аттитюдами и реальными действиями. Обратим внимание на то, что творческая и самостоятельная работа — это деятельность, связанная с постоянным притоком новых впечатлений, поэтому аттитюды в рассматриваемом факторе как раз и выражают автоматизированную, непосредственную оценку данной работы с точки зрения потребности в новизне.

Таким образом, аттитюдная оценка и регуляция деятельности выступает в данном факторе как частная форма произвольно-импульсивной, эмоционально-непосредственной, автоматической оценки и регуляции, которой противостоит произвольная, рационально-опосредованная система оценки и побуждения действий.

Примечательно, что произвольная регуляция деятельности и воля как ее частная форма находятся в амбивалентных отношениях с феноменами аттитюда и аттитюдной регуляции. В той мере, в какой аттитюд в качестве интегральной индивидуальной оценки действия противостоит социальным влияниям, воля выступает на его стороне, ибо социальные влияния, как правило, действуют почти автоматически, а вот чтобы следовать своим курсом,

⁴⁸ Это, естественно, не исключает того факта, что некоторые познавательные блага — как раз те, что несут особенно много новых сведений, — не открываются субъекту непосредственно, а требуют длительных волевых усилий для своего обнаружения.

⁴⁹ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности, с. 120—126.

требуются волевые усилия. В той же мере, в какой аттитюд как непосредственное, автоматическое отражение ценности действия противостоит другому — рациональному — способу отражения этой ценности, воля выступает против аттитюда, и аттитюдная регуляция оказывается проявлением безволия.

3. Выводы. Итак, эмпирические данные подтверждают сформулированные в данной главе теоретические гипотезы об аттитюдах как, во-первых, оценках объектов и действий с точки зрения индивидуальных потребностей субъекта в отличие от оценки с точки зрения интернализированных или вынужденно принятых им социальных потребностей, и, во-вторых, эмоционально-непосредственных, автоматических оценках объектов и действий в отличие от рационально-опосредованных, произвольных. Специфику аттитюда, следовательно, можно выразить словом «хочу» в отличие от «надо» для других или «надо» для себя.

Эти эмпирические результаты подтверждают значимость подчеркнутого в предшествующих главах данной работы различия между ценностями самого субъекта и ценностями других людей (социальных групп) как побудителями его деятельности. Они также подтверждают обоснованность выделения двух принципиально разных способов отражения потребностей и благ в психике человека — эмоционального и рационального, и соответственно двух способов регуляции деятельности — непроизвольно-импульсивного (автоматизированного) и произвольного.

Вывод об эгоцентричности аттитюдных оценок является по существу подтверждением теоретических и эмпирических результатов М. Фишбайна и его сотрудников. Фишбайн противопоставляет аттитюду мотивирующую силу только социальных норм и требований, но, по-видимому, вне аттитюдов оказываются и другие, более «самостоятельные» формы социальной мотивации: человека может побуждать к действию его представление о благе других людей, независимо от того, выражено ли это благо в их требованиях.⁶⁰

⁶⁰ В связи с этим, естественно, возникает вопрос о термине «социальная установка», с помощью которого слово «attitude» обычно переводят на русский язык. Раз отражение социальных ценностей часто не входит в состав феномена, обозначаемого этим словом, то

Еще одно дополнение теории Фишбайна связано с положением о двух упомянутых выше способах психического отражения ценностей (как индивидуальных, так и социальных). В этом пункте наши выводы противостоят положению о том, что аттитьюды — это рациональные отражения инструментальной ценности того или иного предмета или действия. Это положение, независимо от того, сформулировано оно прямо, или только скрыто содержится в экспериментальных моделях, является, по существу, основным пафосом инструментальных теорий аттитюдодов. На самом же деле аттитьюды, если рассматривать их местоположение относительно координаты эмоциональное—рациональное при прочих равных условиях, — это результаты именно эмоционально непосредственной, автоматизированной, а не произвольно-рациональной оценки предмета или действия. Рациональные же оценки, если они почему-либо рассогласуются с автоматизированными, отчуждаются от аттитюдных оценок, подобно тому как от них обособляются интернализированные или вынужденно принятые индивидом ценности других людей и социальных групп.

термин «социальная установка» оказывается не очень подходящим. За неимением других вариантов можно пока использовать термин «аттитюд». Можно также называть этот феномен оценкой или, если это уместно, программой действия, уточняя или хотя бы подразумеваемая специфика аттитюдных оценок, о которой шла речь выше.